

Василий Веретенников

История Тайной канцелярии Петровского времени

Василий Веретенников

**История Тайной канцелярии
Петровского времени**

«Public Domain»

1910

Веретенников В. И.

История Тайной канцелярии Петровского времени /
В. И. Веретенников — «Public Domain», 1910

«Восемнадцатый век – один из наиболее интересных и полных содержания моментов в истории России. В этот век совершился тот перелом в строе государственном (и, конечно, не только в государственном), который поставил в итоге на иной путь все дальнейшее движение русского исторического процесса. Однако до последнего времени история XVIII столетия оставалась почти не разработанной даже в отдельных ее частях; и только в последние пятнадцать – двадцать лет произведено было несколько крупных исследований. Обилие материала, недостаточная его выясненность и разработанность, трудность доступа ко многим очень важным частям его – вот некоторые главнейшие причины, тормозившие у нас изучение истории...»

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Василий Веретенников

История Тайной канцелярии

Петровского времени

Предисловие

Восемнадцатый век – один из наиболее интересных и полных содержания моментов в истории России. В этот век совершился тот перелом в строе государственном (и, конечно, не только в государственном), который поставил в итоге на иной путь все дальнейшее движение русского исторического процесса. Однако до последнего времени история XVIII столетия оставалась почти не разработанной даже в отдельных ее частях; и только в последние пятнадцать – двадцать лет произведено было несколько крупных исследований. Обилие материала, недостаточная его выясненность и разработанность, трудность доступа ко многим очень важным частям его – вот некоторые главнейшие причины, тормозившие у нас изучение истории.

Очередной задачей в изучении XVIII века (говорю, конечно, о задаче, доступной силам отдельного исследователя) является точное изучение частных, отдельных моментов этой истории. Стремясь по мере скромных сил своих ответить этой задаче, я и принялся за предлагаемое исследование. Тема его ограничена; она обнимает только частный эпизод петровского царствования, но я постарался приложить все усилия, чтобы построить свое исследование на возможно тщательном изучении архивного материала.

Не могу отказать себе в глубокой потребности выразить мою сердечную благодарность Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому, моему учителю, предварительной школе которого я обязан тем положительным в научном смысле, что найдется в предлагаемой работе.

В заключение позволю себе выразить мою искреннюю признательность Сергею Михайловичу Горяинову за его доброе, бывшее для меня столь ценным, отношение к моей работе; а также Андрею Андреевичу Привалову – за его участливое внимание и помощь в моих архивных изысканиях.

Приношу свою благодарность Эрнесту Львовичу Радлову и Николаю Дмитриевичу Чечлину, радушно приютившим часть этого моего исследования на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».

Не могу тут же не засвидетельствовать своего глубокого уважения к памяти безвременно скончавшегося Николая Павловича Павлова-Сильванского за ту поддержку и доброжелательное отношение, которое я у него неизменно встречал во время своей работы.

Глава первая

К истории «слова и дела» до учреждения Тайной канцелярии

I

Выражения «слово и дело», «государево слово», «государево слово и дело», «государево дело» становятся известными, получая определенное значение в правительственной практике на Московской Руси, уже в начале XVII века. До этого времени, если не ошибаемся, указаний на эти выражения не существует, а законодательные памятники до XVII столетия совершенно не знают ничего даже близкого по значению к этим выражениям и с ними связанным процессом. Не входит в нашу задачу углубляться в вопрос о происхождении и постепенном формировании этих выражений. Мы позволим себе начать с того момента, когда выражения эти вошли в нормальный обиход правительственной практики, то есть с начала XVII века, от какого времени до нас дошли первые дела по «слову и делу». Отнюдь не имея в виду обозреть даже главнейший к этому относящийся материал (архивный и печатный), мы стремились в этой главе на основании некоторых данных сделать те выводы, которые бы помогли нам в дальнейшем точнее и правильнее осветить происхождение Тайной канцелярии Петровского времени.

Имея в виду исключительно такую цель, остановимся сначала на некоторых материалах из наиболее ранней нам известной правительственной практики по «слову и делу».

В 1621 (7130) году лебедянский воевода Михнев в грамоте на имя царя Михаила Федоровича пишет, что «пришед в город в съезжую избу, голова стрелецкий казачий Еремей Толпыгин извещал, Государь, мне холопу твоему» на одного казака, что тот при наказании его батогами кричал: «пощади де... (тут место в подлиннике испорченное) для нашего государя царя Дмитрия!» По этому извету воевода немедленно приказал привести казака в съезжую избу и спросил его «очи на очи» об его таких словах, но казак «в такове слове заперся». Посадив все-таки обвиняемого в тюрьму, воевода кончает грамоту просьбою указать, что ему делать далее. В ответ на это следует указ, которым повелевается воеводе допросить казака еще раз, собрать показания свидетелей и даже привести обвиняемого к пытке в застенок, но не пытать и все следствие прислать в Москву. Дальнейшее делопроизводство по этому делу не сохранилось. Тут, однако, мы имеем дело с изветом, форма которого, к сожалению, остается для нас неясной, но вот уже прямое точное указание и на самую форму. В 1622 (7131) году воевода города Переяславля пишет в отписке на имя царя, что «сказывал мне, холопу твоему, в съезжей избе... сын боярской... Малыгин твое государево дело на поместного казака», что «говорил он» «на беседе» «неподобное слово»; воевода «с приставом» при этой грамоте посылает в Москву и обвинителя, и обвиняемого. По получении в Москве этой отписки и колодников при ней, в Разряде думные дьяки подробно допрашивают присланных. По словам доносителя, во время ссоры на одном пиру казак сказал: «Я-де царю горло перережу!» Обвиняемый на допросе не признавался, утверждая, что он не такие слова говорил. Расспросные речи обвиняемого и обвинителя были тщательно записаны; дальнейшего делопроизводства в столбцах не имеется.

В 1625 (7134) году ростовец некто Богданов бьет челом царю, что его ростовский воевода держит в тюрьме по оговору в «государеве деле». По этой челобитной в Разряде был сделан экстракт о деле Богданова, из которого видно, что ростовский откупщик Данилов «извещал» воеводу «в съезжей избе», что Богданов говорил «про государя непригожие речи»; вследствие

такого доноса воевода допросил свидетелей «с очи на очи», которые и подтвердили обвинение. Тогда воевода обо всем доносит «до государева указа» в Москву, препровождая туда и все расспросные речи. В ответ на это из Москвы последовал указ: виновного, «выняв из тюрьмы», «бить по торгам кнутъем нещадно, чтобы на то смотря, иным не повадно было вперед так воровать; а, бив кнутъем, велено его посадить в тюрьму до государеву указа». Воевода, все исполнив, донес об этом в Москву.

В 1627 (7136) году черный поп Мартирий сказал за собой «государево дело», и монастырскими властями был отослан в Казань к воеводе, где в съезжей избе письменно изложил это «государево дело», то есть донес на некоего стрельца Осипка, который при многих свидетелях говорил, «что де государь... Михаил Федорович... упросил бояр сроку на семь недель огосударствовать, а выходил де государь того упрашивать у бояр на лобное место...» и «что де патриарх государю не отец». Этот извет был немедленно доведен до сведения Москвы, откуда последовало по царской грамоте повеление – всех свидетелей и обвиняемого прислать в Москву, что и было исполнено. В Москве перед боярином кн. Ив. Бор. Черкасским и думным дьяком Ф. Лихачевым были допрашиваемы все присланные воеводой по этому делу; конца этого дела не сохранилось.

В 1630 (7139) году возникло дело по обвинению кн. Дм. Пожарского, псковского воеводы, и его товарища кн. Гагарина во многих преступлениях по службе, причем было предъявлено два обвинения в виде вопросов: «В 138 году Святогорского монастыря черный дьякон Святогорского ж монастыря на келаря в съезжей избе государево дело извещал и какое государево дело извещал?» Видимо, вина состояла в том, что воевода скрыл этот факт и не донес об этом обычным порядком, что и вызывало у следователей стремление узнать, какое это было «государево дело». Второе обвинение, предъявленное Пожарскому, формулировалось так: «и князь Дмитриев человек Пожарсково во Пскове в съезжей избе кричал ли, и государево слово за собою сказывал ли, и князь Данило Гагарин, вышед из комнаты, того ж княж Дмитриева человека по щекам бил ли, и ко князю Дмитрию на двор его отсылал ли?» Таким образом, Пожарский и Гагарин обвинялись еще в том, что когда человек Пожарского сказал за собой «государево дело», то он и Гагарин старались это замять вместо того, чтобы дать делу надлежащий ход; при «обыске» так и не выясняется, что это были за «дело государево» и «слово государево».

В 1636 (7145) году воевода Судаков извещает царя из Белгорода, что когда он проезжал мимо тюрьмы, то тюремный сиделец Трошка сказал «твое государево великое слово», но какое именно, не сказал: «скажет де он на Москве». На эту воеводскую отписку последовал из Разряда указ, где написано между прочим: «...ты б тюремного сидельца Трошку... взял... к себе в съезжую избу и спросил, какое за ним наше дело, и он бы то написал своею рукою; а будет он грамоте не умеет, и ты б тому нашему делу взял у него письмо за рукою отца его духовного; а будет у него отца духовного нет, и ты б его расспросил на один, какое за ним наше дело, а что бы он Трошка про наше дело тебе скажет, и ты б то наше дело велел записать подьячему доброму; а будет Трошка про наше дело не скажет, и ты б его велел пытать, какое за ним наше дело; а что Трошка... про наше дело тебе скажет, и ты б о том к нам отписал, и расспросные, и пыточные речи прислал, а его Трошку велел бы держать в тюрьме».

Прежде всего следует заметить, что в приведенных примерах все дела по «слову и делу» в царствование Михаила Федоровича сосредоточивались в Разряде как высшей инстанции, имея своим началом «изветы» частных лиц воеводам в съезжих избах. Это дает право считать, что Разряд находился в числе учреждений, ведавших преступления «слова и дела», причем в большинстве случаев он являлся высшей инстанцией, ставящей по указам приговоры; следование же и «розыск» редко входили в сферу его деятельности. Нетрудно по изложенным примерам проследить обычный делопроизводственный порядок дел «слова и дела», когда они попадали в Разряд.

Всякое дело начинается исключительно извещением со стороны какого-либо частного лица о знании им «слова или дела государева»; извеще этот делался воеводе в приказной избе; воевода обычно снимал допрос с обвинителя, обвиняемого и свидетелей и, подвергнув, кого считал необходимым, тюремному заключению, обо всем подробно доносил в Разряд, адресуя отписку на государево имя, и просил «указа». В ответ обычно из Разряда требовали дополнительных допросных, а иногда и пыточных (то есть повелевалось воеводе обвиняемых пытаться) речей, на основании которых обычно Разряд выносил приговор; впрочем, иногда первые допросные речи и колодники с ними отсылались воеводой в Разряд, где и производился окончательный «розыск», выносился и приводился в исполнение приговор; но этот порядок, видимо, встречался реже.

Ныне столбцы Разряда, хранящиеся в Московском архиве юстиции, дают даже в описаниях достаточно определенную картину деятельности Разряда. Воинское дело, безусловно, составляло один из главнейших отделов ведения Разряда, но не менее существенным отделом были воеводы и все воеводское правление, которое обнимало собой в сильной степени то, что ныне относят к сфере внутреннего управления. В том числе и вся полиция, в самом широком смысле этого слова, была в руках воевод и Разряда как высшей инстанции; в силу этого, видимо, воеводы и с ними Разряд ведали дела по «слову и делу»; то есть Разряд ведал эти дела постольку, поскольку он ведал вообще полицию.

Являлся ли Разряд во время Михаила Федоровича исключительным учреждением, где только и разбирались дела «слова и дела»? Нам не удалось найти прямых данных для ответа на этот вопрос, но, кажется, в результате рассмотрения некоторых дел, относящихся к первым годам царствования Алексея Михайловича, можно с большой вероятностью ответить отрицательно.

Очевидно, что выражение «государево слово и дело» в его позднейшем значении было известно в обычной практике уже в начале двадцатых годов XVII столетия; а это заставляет сделать предположение, что образование такого выражения и всего с ним связанного должно было иметь место еще ранее, еще, возможно, при Рюриковой династии; во всяком случае, можно утверждать, что с самого начала XVII века «слово и дело» являлось уже известным в административной практике выражением.

Таким образом, в начале XVII века уже были известны преступления, связанные с оскорблением верховной власти и стремлением к ее умалению; эти преступления раскрывались путем доносов, бывших как бы обязательными; причем эти доносы носили специальное название извещений по государевому делу или слову; такое название, быть может, обозначало отношение доноса непосредственно к особе царя. Следствие велось обычно воеводами, которые немедленно доносили обо всем ими найденном в Москву, где дела эти ведались в Разряде, а вероятно, и в других приказах, так как никакого особого учреждения для их ведения, видимо, не существовало. Позволим себе остановиться еще немного на двух характерных деталях процессов по слову и делу в первой половине XVII века, то есть в царствование Михаила Федоровича.

В делах самых ранних (см. дело 1625 года) встречаются краткие указания, что воеводы допрашивали виновных «очи на очи», или «на один»; эти беглые замечания определенно указывают, что уже в то время в правительственной практике существовало желание вести подобного рода дела скрытно, окружать их особой тайной; ответить на вопрос, чем вызывалось такое стремление, к сожалению, мы не можем за неимением данных, но можно даже думать, что так шло и через весь XVII век. Вместе с этим можно отметить, что самый процесс дел по «слову и делу» в начале XVII столетия не являлся в основных своих чертах совершенно установленным; это можно заключить косвенно из приведенной нами выше в отрывках грамоты по делу 1636 года; в этой грамоте воеводе излагается порядок, в котором он должен вести дело; значит, считали нужным излагать его подробно для отдельного случая.

С 1645 года начинается царствование Алексея Михайловича. До Уложения, в самом начале этого царствования, никаких изменений в понимании и способах преследования преступлений по «слову и делу», сравнительно с предыдущим временем, не происходит. В 1644 (7153) году тюремный сиделец в Кашине Тимошка Антипин «сказал за собой государево дело» воеводе Лазареву, который и послал этого Тимошку «к Москве в Разряд»; а слышал этот Тимошка, как сидевший с ним в тюрьме некий Хрисанко «сказал за собой государево слово». Воевода пишет, что этот Хрисанко сумасшедший, «простоумный», и сказал за собою «слово» просто «во отступленьи ума своего». В Разряде перед боярами Ив. Вас. Морозовым, Мих. Мих. Салтыковым и кн. Пет. Фед. Волконским этот Тимошка ответил, что «скажет он то государево дело государю самому», когда царь вернется из похода. Однако бояре требовали, угрожая пыткой, чтобы Тимошка все рассказал им; тогда Тимошка заявил, что в Кашинской тюрьме Хрисанко ему говорил, «что за ним... есть государево великое дело, а какое... того ему Тимошке... не сказал»; тут же был назван и ряд свидетелей. Бояре все допытывались «с пристрастием», что за «государево дело» говорил за собою Хрисанко, однако Тимошка ничего не мог сказать, так как сам не знал. Тогда в Кашин был послан пристав Разряда для взятия Хрисанки с одним свидетелем и привоза их в Москву, в Разряд. По доставлении Хрисанки в Разряд, бояре его расспрашивали, какое за ним есть государево слово; Хрисанко отвечал, что болен он падучею болезнью и поэтому бывает «во исступлении ума своего» – почему его и держали в тюрьме – и никакого слова государева за ним нет. Ему сделали очную ставку с обвинителем, который продолжал давать старое показание; Хрисанко, не отвергая возможности совершения преступления, говорил только, «он того не упомнит, потому что он болен падучею болезнью». Свидетель Артюшко подтвердил, с одной стороны, показания обвинителя, что Хрисанко действительно говорил за собою государево слово («а какое... того не говорил»), но в то же время констатировал его болезненное тогдашнее состояние, однако с оговоркою, что «в целом ли уме или во исступленьи ума» сказал Хрисанко за собой слово, «того он Артюшка не ведает». Обвиняемый же стоял на том, что был болен и ничего не упомнит. Дело кончилось тем, что «по государеву указу» Хрисанке «учинено наказанье в Разряде: бить батоги».

В октябре 1645 года ввечеру в Приказ Большого дворца, где сидели трое подьячих: Мотякин, Иван Прохоров да Иван Терапов – «пришел к столу старец колодник» и начал говорить непристойные слова, что, мол-де, царь Алексей Михайлович – не «прямой царевич», а рожден от сенной девушки. Услышав такие слова, Мотякин, бывший дневальным, хотел сейчас же о них известить приказного дьяка, но было уже темно, и он идти побоялся, а на следующий день «такие слова побежал известить в село Коломенское государю» и подал обо всем этом челобитную, вследствие которой «указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси про то расспросити и подлинно сыскать своим государевым боярам Борису Ивановичу Морозову, да князю Алексею Михайловичу Львову, да думному дьяку Григорию Львову. И того ж дни бояре про то расспрашивали и сыскивали». По показанию одного из присутствовавших подьячих чернец «говорил: прямово корени был царевич князь Иван Михайлович а князь Алексей Михайлович непрямою, подменной, “знаем де мы такие подмены”!» На вопрос бояр, откуда это слышал обвиняемый, этот последний, не запираясь, говорил, что все это «явлено» ему от Андрея Критского, а также это слышал он от жены своей и баб своего села Олексина. Бояр, видимо, очень интересовал вопрос, откуда чернец такие «затейные воровские речи» взял, и они пугали его тем, что «быть ему пытану и огнем жену». Конца этого дела мы не имеем; вероятно, он утрачен.

В 1646 году (7155) чернец Кириллова монастыря Никодим сделал извет на неких монахов, что они говорили про великого государя и про бояр «многие непристойные речи»; к сожалению, не видно, что это были за речи. «И те чернцы... в тех непристойных речах своих на Москве в Приказе сыскных дел пред боярином... пред Григорием Гавриловичем Пушкиным, да пред дьяком... Ларионовым винулись... и довелись было смертные казни», но «для иноче-

ского образа» помилованы и отосланы были в монастырь на смирение. Все это мы узнаем из грамоты царской в Кириллов монастырь от 23 января 1715 года.

В 1647 году «июля в 11 день на государеве стану в селе Коломенском в Приказе большого дворца боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову да дьяку Давыду Дерябину села Коломенского приказный человек Иван Алешнев извещал, что в селе Коломенском живет» крестьянин Данилов, который ведет сношения с разными таинственными людьми, которые «по него приезжают». Этого Данилова сыскали и расспрашивали, «в расспросе перед боярином... кн. Львовым да перед дьяком... Дерябиным винился, а сказал», что он с женой ведовством, шептанием и чародейством лечили людей и выгоняли из скота дьявола; были Данилов с женой спрошены «в Приказе сыскных дел перед князем Алекс. Никит. Трубецким да... Пушкиным да перед думным дьяком»; в деле был очень замешан Семен Стрешнев, на которого указывали, как на покровителя всех этих волшебств. В результате Стрешнев обвинен в том, что «государева здоровья не остерегал и государю про таких злых ведунов не известил и сам с ними знался многие годы».

В 1648 году воевода Ив. Квашнин извещает Разряд (по Новгородскому столу) о доносе, что сказывал за собой «твое государево слово» тюремный сиделец Оська Харитонов; и воевода велел этого Оську поставить перед собой, и спрашивал у него, что это за слово; но Оська отвечать отказался, заявив, что «скажет де он то твое государево слово на Москве, кому ты, государь, укажешь». Донося обо всем этом, воевода просит указа, как ему поступать далее; дальнейшего производства этого дела в столбцах не имеется.

Подводя итог всем вышеизложенным данным за время первых лет царствования Алексея Михайловича, нетрудно видеть, что все оставалось совершенно в таком же положении, в каком оно сформировалось в предыдущее царствование. Необходимо только дополнить, что выясняется с достаточным вероятием отсутствие в первой половине XVII века каких-либо или какого-либо одного особого, исключительного или специального учреждения, ведавшего дела по «слову и делу»; несомненно, дела такого рода попадали в разные московские приказы, где и вершились. По недостатку материала трудно только понять, почему однородные дела попадали в разные учреждения; возможно, что тут действовал принцип ведения по месту и человеку, а не по роду дела. Надо также отметить, что все приказы как будто ведали дела по «слову и делу» с одинаковой и полной компетенцией; по крайней мере, мы можем это сказать о Разряде, Приказе сыскных дел и Приказе Большого дворца – учреждениях крайне разнородных по предметам своего прямого ведения.

II

Выражения «слово и дело» и ему подобные мы не встречаем в Уложении царя Алексея Михайловича, но встречающийся во второй главе Уложения термин «извет» есть не что иное, как общее обозначение понятий, заключающихся в выражениях «слово и дело», «государево слово», «государево дело», «государево слово и дело». На это указывает, как увидим далее, практика в применении этой главы, носящей заглавие: «О государской чести и как его государское здоровье оберегать». В первой ее статье говорится об «умышлении» на «государское здоровье» «злого дела», то есть о покушении на жизнь и здравие государя; во второй статье речь идет об умышлении «государством завладеть и государем быть» и в конце говорится о государственной измене, которой дальше посвящены статьи с 3-й по 11-ю включительно; далее до конца идут статьи процессуального характера.

Таким образом, вторая глава рассматривает следующие роды преступлений: 1) государственную измену (ст. 3 – 11); 2) покушение на жизнь и здравие государя (ст. 1); 3) покушение на власть «державы царского величества», каковое покушение понимается сообразно времени в прямом смысле, как желание «Московским государством завладеть и государем быть» (ст. 2);

кроме того, сюда же вводится: 4) преступление «приходить, грабить и побивать» «самовольством скопом и заговором» «к Царскому Величеству и на Его Государевых бояр и окольных, и на Думных и на ближних людей, и в городах, и в полках на воевод и на приказных людей (ст. 21)».

Статьями 19 и 21-й устанавливается обязанность каждого «извещать» власти об всяком «ведомом» злом умысле, заговоре и прочем: за неисполнение этого требования грозит смертная казнь «без всякой пощады». Этот «извет» должен быть произведен «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси или его Государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям» (18-я ст.). Если того, на кого «извещают», налицо не оказывается, то его разыскивают, потом делают ответчику и доносителю очную ставку, и должны притом «сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинити» (ст. 16-я). Таким образом, всякое дело против преступлений такого рода должно начинаться по извету – доносу; других путей не оговорено. Этот «извет» является обязанностью каждого – за неисполнение этой обязанности грозила смертная казнь без пощады. В какие бы руки донос ни попал, закон обязывает отыскать немедленно ответчика, сделать очную ставку и произвести самое тщательное следствие; при этом, конечно, должны были применяться обычные приемы (пытки и проч.), так как не оговаривается характер «сыска», а только квалифицируется его степень: «накрепко». По окончании следствия, после получения известных результатов, соответственно им и нормам Уложения должно быть постановлено решение, «учинен указ».

Из всего этого ясно видно, что вторая глава Уложения является только фиксированием, довольно точным, в законодательном порядке того, что в практике, как мы видели, установилось довольно прочно гораздо ранее. Уложение ничего нового не внесло в формы производства дел по изветам о «слове и деле государевом» и только в самых общих чертах закрепило уже ранее существовавший в практике порядок.

Обратимся же теперь к вопросу, как фиксированные Уложением нормы действовали на деле и не внесла ли в них дальнейшая практика чего-либо нового.

В 1650 (7159) году от царя и великого князя псковскому воеводе Львову была послана грамота, в которой говорилось: «... писали к нам... ты воевода... да дьяк... что... Гришка Трясисоломин говорил про царицу нашу и великую княгиню Марию Ильиничну непристойные речи и с пыток в том винулся»; «и вы б того вора Гришку Трясисоломина за его воровские непристойные речи велели казнить: вырезать ему язык; и сослали его в Великий Новгород, с женою и с детьми»; и как это будет исполнено, «вы б о том к нам отписали, а отписку велели отдати в Посольском приказе дьякам нашим думным Михаилу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Андрею Немирову» Из этой грамоты, во-первых, ясно, что на местах ведали дела по «слову и делу», пытали и допрашивали, словом, вели все следствие обычные воеводы, но о результатах сообщали в Москву, и окончательное решение, приговор, – шел уже из Москвы от царя; причем, видимо, данное дело велось в Москве через Посольский приказ.

В 1650 (7159) году костромского воеводу в приказной избе «извещал» костромитин Мишка Огарев на костромитина Калинина, что он неприлично бранил государя. Воевода «ставит перед собой» обвиняемого, ведет допрос, вызывает свидетелей; все расспросные речи, записанные, были по окончании следствия воеводою отосланы в Разряд.

В 1655 (7164) году в Разряде, в Новгородском столе получили от воеводы отписку, что в съезжей избе его словесно извещал казак на одного крестьянина, который будто кричал у кабака: «Ты-де государев слуга, а я де государев друг». Воевода допросил обвиняемого (который передавал иначе свои слова) и просит указа, что ему далее делать.

В Новгороде в 1662 году некто Рогозинский, по донесению воеводы Репнина, сказал «наши царственные дела», как выражается царская грамота Репнину о присылке этого Рогозинского для следствия в Приказ наших тайных дел. В мае 1668 году в Пскове к воеводе были присланы монастырский старец Пахомий и псковский пушкарь Уляшко Гаврилов с обвине-

нием их в том, что они говорили «непристойные» речи: «великого государя... и святейшего патриарха Иосафа называли ворамии» и будто «веруют они во антихриста». Воевода обычным порядком повел следствие, и его результаты (в виде расспросных речей обвиняемых и свидетелей и очных ставок) отправил в Москву. Царь, выслушав эту отписку, приказал прислать обвиняемых в Москву, в Посольский приказ; «если же в этом будут упорствовать, то велеть того чернца и пушкаря сжечь». Старец Пахомий отказался приносить покаяние, и его сожгли; причем переписка об этом вся шла через Посольский приказ. Пушкарь же Гаврилов покался, причастился Святых Тайн и был отправлен в Спасский монастырь; переписка об этом тоже велась Посольским приказом. Через некоторое время этот пушкарь ушел из монастыря, очутился в Новгороде; его поймали и доставили в Москву в Посольский приказ. На этом материалы дела кончаются.

В 1670 году было найдено в Москве, вероятно, какое-то подметное письмо; содержание его остается для нас неизвестным; начало дела частью утеряно, частью попорчено. Кузнец Васька, служка Иванов и человек Арт. Матвеева Кирюшка говорили, что девка Матвеева «имана на верх, но ей царицею не бывать». «И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал боярам кузнеца Ваську и служку Ваську ж и Артамонова человека Матвеева Кирюшку... расспрашивать у пытки; а буде из них кого доведется, и пытать; и по указу великого государя бояре расспрашивали их у пытки; а Кирюшка пытан, а было ему 30 ударов». Кирюшка признался, что писал сам, без соучастников, это воровское письмо «для того: хотел от Артамона отбыть от холопства». «Бояре после того Кирюшку расспрашивали, для чего он запирается, и Кирюшка перед бояре винился»; «а после того он же Кирюшка перед великим государем и перед бояре в том запирался», «и для подлинного сыску расспрашиван перед великим государем и при боярах кузнец Васька»; его пытали, – «в том он сожжен на огне», – и говорил он «прежние свои речи». В конце этого дела говорится, что царь всех «пожаловал свободить».

Это дело, при всей беспорядочности и туманности его содержания, заслуживает некоторого внимания. Подметное письма затрагивало такую интимную вещь, как избрание царем невесты. Может быть, именно в силу такой близости к особе царя и возник особый ход всего дела: царь указал вести «розыск» не учреждению, а «боярам»; бояре допрашивали и пытали; наконец, мы видим – это самое главное, – что часть дела «следует» в присутствии самого царя: при нем допрашивают одного обвиняемого и при нем же пытаются другого «для подлинного сыску». Конечно, и приговор по делу идет по указу царя. Таким образом, здесь перед нами совершенно особый порядок делопроизводства; и мы можем сделать если не вывод, то предположение, что в тех делах, которые близко затрагивали особу царя, обычный порядок производства нарушался: царь, поручая следование дела «боярам» (возможно, по своему выбору), сам не только направлял «розыск», но и присутствовал при нем, лично исполняя роль следователя и судьи.

А обычная практика шла прежним путем. В 1677 году в Новгородском приказе расследовалось дело крестьянина Клима Ерышева, который, как утверждалось в донесении царю, «говорил про твое царское величество непристойные слова»; по царской грамоте кевроль-мезенскому воеводе велено было урезать виновному язык и бить его кнутом нещадно. Дело поднялось вновь в 1678 году по извету, что воевода языка не урезал, а только для виду велел пустить кровь из щеки виновного; конец этого дела утерян.

Мало что изменилось в расследовании дел по «слову и делу» и в правление царей Ивана и Петра, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы того времени.

В июне 1697 года, уже при единоличном царствовании Петра, монахиня Авксентия подала в Новгороде воеводе бумаги от игуменьи Тихвина-Введенского монастыря, где игуменья пишет, что эта Авксентия «сказала за собой государево слово», почему ее и отпустили в Новгород к воеводе; этот последний, Апраксин, немедленно допросил монахиню: Авксен-

тия обвиняла, со слов монаха Иосафа, монастырского архимандрита, говорившего целовальнику, приехавшему продавать табак: «Будь ты проклят, и с тем, кто указал табак продавать!», а также: «Дам попам по две деньги и велю проклинать у престола Божья того, кто повелел таким товаром торговать». Кроме того, этого архимандрита обвиняла Авксентия в непраздновании царского ангела и еще в других – просто-таки уголовных преступлениях. Воевода начинает допрашивать свидетелей и замешанных лиц, списывается с митрополичьим Новгородским приказом, который ведет допрос и делает очные ставки (до пыток нигде не доходит). После долгих допросов и переписки обвиненный архимандрит просит челобитьем на имя царя, чтобы его взяли в Москву в Новгородский приказ: указом 7207 года было велено все дело передать в Москву и «подать в Новгороцком приказе думному нашему дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву с товарищи».

Из этого дела мы видим, что в самом начале царствования Петра обычный порядок следствия и наказания по «по государеву слову и делу» продолжался: как и в начале XVII столетия, изветы принимают простые воеводы, они же ведут следствие, также дело затем переходит в один из московских приказов, но следов особого учреждения по такого рода делам по-прежнему не видно. Кроме того, во второй половине XVII века хотя и редко, но стал применяться особенный порядок к тем делам по «слову и делу», которые почему-либо заинтересовали самого царя.

III

Начался XVIII век. Именной указ от 25 сентября 1702 года гласил: «Буде впредь на Москве и в Московский судный приказ учнут приходиться каких чинов нибудь люди... и учнут за собой сказывать Государево слово или дело, – и тех людей в Московском судном приказе не расспрашивая, присылать в Преображенский приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. Да и в городах воеводам и приказным людям таких людей, которые начнут за собою сказывать Государево слово или дело прислать к Москве, не расспрашивая». Таким образом, старый общий для XVII века порядок производства дел по «слову и делу» был нарушен: в большинстве, изъятые из общей подсудности, дела эти были сосредоточены в ведении испытанного в своей верности слуги Петра князя Федора Ромодановского, в Преображенском приказе.

Дела этого приказа начинаются регулярно в столбцах с 1696 года. До 1702 года характер этих дел чрезвычайно однообразен; все они разбиваются на четыре категории: во-первых, «о битве», «драке», «кричании караула» между московскими обывателями, то есть дела о нарушении общественной тишины и порядка на улицах и площадях Москвы; во-вторых, дела о мелких взысканиях по гражданским искам, причем обычно ответчика приводит истец; в-третьих, о нарушениях обязательных постановлений в городе, то есть пении песен в непопозволенном месте, езде там, где запрещено, оскорблениях священных мест чем-либо и т. п.; в-четвертых, дела по «слову и делу». Необходимо отметить, что преобладающее количество дел относятся к первому и третьему роду, то есть к делам полицейского характера; немного дел второго рода – дел мелкой юстиции и мелкой расправы; и чрезвычайно мало дел четвертого рода – по обвинениям по «слову и делу».

Ясной этому иллюстрацией служит тот факт, что для 1696 года из общего числа сохранившихся дел Преображенского приказа (около 605) по «слову и делу» имеются не более пяти дел. Следовательно, можно сказать с некоторой уверенностью, что в первые годы своего существования – до 1702 года – Преображенский приказ отнюдь не являлся специальным учреждением по делам о государственных преступлениях. Основная роль Преображенского приказа для Москвы была чисто полицейская: приказ был тогда, в сущности, канцелярией полицмейстерских дел Москвы.

С 1702 года положение немного изменяется, но все-таки Преображенский приказ не становится единственным учреждением для преследования государственных преступлений; указ 1702 года только вводит в ведение исключительно Преображенского приказа все дела из провинций, присылаемые по «слову и делу». В этом сказывается желание царя поручить эти дела – принявшие, возможно, в глазах Петра слишком важный характер, чтобы их можно было вести обычным порядком, – близкому и доверенному человеку. При этом, как явствует из обозрения дел Преображенского приказа, в его заведывании все еще оставалась полиция Москвы, да с того же времени хозяйственно-оружейная часть гвардии (а отчасти и всей армии) тоже все более ложилась на Преображенский приказ. Таким образом, и в 1702 году Преображенский приказ вовсе не являлся специальным учреждением по расследованию государственных преступлений. Все это в совокупности дает впечатление, что Петр, обратив внимание на «дела государственные» и решив их поручить людям близким и надежным, в большей части поручил их Ромодановскому, начавшему вести их наряду с другими делами, новыми и старыми, в Преображенском приказе.

Такое нагромождение разнообразных дел, мало имеющих общего друг с другом, вызвало, вероятно, недоразумения, которые заставили Петра особым указом в 1722 году точнее определить, что же, собственно, подобает ведать Преображенскому приказу. В этом указе Петр пишет, «чтоб делам быть в Преображенском», во-первых, государственным, по «слову и делу»; во-вторых, «полки гвардии чтоб ведомы были по-прежнему»; в-третьих, посторонних дел... никогда не примать», а имеющиеся такие «отдать к своим местам»; но тут делается исключение для крупных разбойных дел.

Этот указ свидетельствует прежде всего о том, что и после 1702 года Преображенский приказ не является специальным по государственным преступлениям учреждением; кроме того, нельзя не обратить внимания на то, что «ведение» приказом дел по «слову и делу» выдвигается все-таки теперь на первое место, а вся мелкая полиция (может быть, и еще какие-либо к тому времени попавшие в ведомство того же приказа дела) постепенно изымаются из его ведения. Если к этому прибавить, что кн. Ив. Ромодановский (наследовавший приказ от отца) с 1726 года приблизительно называется генерал-губернатором Московским, то есть высшим полицейско-административным лицом Москвы, то станет ясно, что Преображенский приказ в основе своей являлся главным образом полицейским учреждением, но осложненным поручением расследовать провинциальные дела по «слову и делу».

В дополнение ко всему этому и в связи с заведыванием в известном отношении гвардией в Преображенском приказе появился еще ряд дел по разным земельным и другим имущественным тяжбам, что, конечно, еще более загромодило и обесформило делопроизводство. А произошло это последнее усложнение деятельности приказа потому, что многие гвардии офицеры били приказу челом о неведении нигде их имений судом, кроме Преображенского приказа, и когда на это получали согласие (что бывало не так уж и редко), то переносили все свои тяжёлые дела из разных других учреждений в Преображенский приказ. Не о рассылке ли именно этих дел по надлежащим местам говорит Петр в указе 1722 года?

Таким образом, очевидно, что никак нельзя считать этот приказ первым в России специальным учреждением по преследованию и суждению преступлений по «слову и делу». Небезынтересно заметить, что в кабинетных делах времени Петра сохранилось за 1702–1725 годы многое из переписки с Ромодановским, и даже при беглом просмотре этой переписки становится ясно, что важнейший предмет Преображенского приказа составляют дела полков гвардии – их обмундирование, вооружение, набор и проч.

Можно сказать, что в 1702 году Петр сделал шаг по старому, уже в XVII веке намеченному пути: он поручил дела по «слову и делу» одним общим распоряжением в их огромном большинстве близкому доверенному человеку, изъяв их почти целиком из общего порядка «следования». Если у царя Алексея Михайловича побудительные причины к такого рода

направлению «государственных дел» появлялись только изредка, только в некоторых отдельных случаях, то у приемника его, с борьбой и тревожностями обретшего наследственную власть, естественно, оказалось гораздо более побудительных причин обратить свое особенное внимание на эти дела, а следовательно, и направить их по тому особому руслу, которое уже было намечено для таких случаев его отцом и которое обеспечивало Петру возможность личного надзора и вмешательства, а также гарантировало в значительной степени ведение таких «важных» дел строго соответственно его воле.

В кипучей деятельности Петра «важные» дела, входившие в которые лично царь считал необходимым, были не только дела «государственные»: дела по хищениям казенного имущества, вопиющие (вроде гагаринского) дела по всяким злоупотреблениям местных администраций тоже тревожили Петра, тоже казались ему «важными». В именном указе от 25 января 1715 года Петр объявлял: «Кто истинный христианин и верный слуга своему Государю и отечеству, тот без всякого сомнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому Государю, или, пришед ко двору Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно о следующих: 1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены; 2. О возмущении или бунте; 3. О похищении казны; а о прочих делах доносить, кому те дела вручены».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.